

Глава 19: Не высовывайся, будь скромной.

Она действительно стала знаменитостью!

Новости распространялись молниеносно. Уже на следующий день все богачи, торговцы и гуляющие бездельники, завсегдатаи чайных домов и увеселительных заведений Чанъян, наперебой говорили о новой звезде павильона Красного Нефрита — девушке по имени Цин. Ее грациозная фигура, завораживающие танцы покоряли сердца, и толпы мужчин ринулись в павильон лишь для того, чтобы увидеть, как она танцует.

Заведение стало переполненным. Еще до начала представлений в зале уже не было свободных мест. Даже на втором этаже, в дорогих частных ложах, столики раскупались мгновенно. Запись заранее? Бесполезно — всё забронировано на недели вперед. Те, кто не успел, вынуждены были стоять в длинных очередях в надежде хоть краем глаза увидеть выступление.

Слуги и работники Красного Нефрита сбивались с ног. Управляющий Чжан, видя нарастающий хаос, щедро раздавал премии, лишь бы поддерживать моральный дух персонала и не допустить саботажа.

Что касается Е Цин, большую часть времени она выходила на сцену вместе с остальными танцовщицами, получая щедрые вознаграждения — иногда по имени, а иногда анонимно.

Но вскоре в павильоне Красный Нефрит появилось особое выступление, превратившееся в фирменный номер заведения. Только те, кто достиг определенной суммы подношений, могли увидеть его. Это была сольная танцевальная программа Е Цин.

Чанъян был городом торговцев, а где торговля — там и деньги. Для многих богачей бросить десяток-другой серебряных лянов ради удовольствия посмотреть на её танец — пустяк.

Изначально никаких ограничений по количеству выступлений не существовало. Но это быстро превратилось в безумие: танец сменял танец, и Е Цин едва не падала от изнеможения. Управляющий Чжан, осознав, что золотая курица не должна нестись до последнего вздоха, установил правило: не более трёх сольных номеров в день. Хоть бы кто и предлагал больше денег — четвёртого танца не будет.

Но, как ни странно, именно это правило сделало её ещё популярнее. Каждый раз, когда она заканчивала выступление, ей сыпались монеты, словно дождь. К концу вечера слуги уже не собирали их руками, а сметали с пола веником.

Так в павильоне Красный Нефрит появилась новая должность — «чистильщик монет». Двое слуг были специально назначены для этой работы: как только Е Цин заканчивала выступление,

они выходили на сцену и сметали деньги.

Работа эта была не из лёгких, а порой и вовсе опасной. Щедрые гости не переставали бросать монеты, даже когда слуги уже убирали их. В результате те рисковали получить удар целым градом медяков, а иногда и кусочками серебра. Если повезёт — отделаются лёгким ушибом, если нет — на лбу появится шишка. Даже без видимых следов удары медными монетами были весьма болезненными.

Но и плата за эту работу была щедрой, поэтому желающие находились.

В первые дни, собранные деньги уносили мешками в бухгалтерию. В основном это были медные монеты, но среди них попадались и серебряные кусочки, а иногда даже полноценные серебряные ляны. Всё это весило немало, и спустя несколько дней, по слухам, в бухгалтерии уже выросла целая «денежная гора».

Правда, на деле всё выглядело внушительно лишь снаружи. Основную часть составляли медяки, и если пересчитать, то доход за день редко превышал тридцать лянов. После вычета доли заведения Е Цин оставалось около двадцати.

Но даже такая сумма была огромной! Если бы удавалось поддерживать такой темп, то не то, что две сотни, даже тысячу лянов можно было заработать без особых сложностей.

Однако однажды, случайно подслушав разговор двух танцовщиц, Е Цин узнала, что их чаевые за последнее время значительно сократились. Особенно это касалось целевых подношений — почти все они теперь доставались ей.

Она понимала, что это лишь временный ажиотаж, и вскоре всё вернётся в норму. Но кто мог сказать наверняка, как долго продлится эта волна популярности?

За последние месяцы она сблизилась с девушками, выступающими на сцене вместе с ней. Они жили, душа в душу, без зависти и подковерных игр, словно настоящие сёстры. Она не могла спокойно наблюдать, как её удача оборачивается их убытками. Да, ей срочно нужны были деньги, чтобы выкупить свою свободу, но при таком темпе накопить заветные двести лянов, было лишь вопросом времени — может, год, максимум два. А не десять, не двадцать лет, как это могло бы быть в другом случае.

Тем более, она прекрасно понимала смысл пословицы: «Палкой бьют того, кто высовывается первым». Слишком большая популярность — это не всегда хорошо. Пусть сейчас танцовщицы и не завидуют ей, но со временем, когда их доходы начнут ощутимо снижаться, в сердцах неизбежно закрадётся недовольство. А если это произойдёт, то их тёплая, искренняя дружба семерых девушек окажется под угрозой.

Поэтому через семь дней Е Цин отправилась к управляющему Чжану, чтобы поговорить с ним наедине.

Чжан уже заранее догадался, зачем она пришла. В последние дни её слава стремительно росла, и вряд ли она пришла просто так. Девяносто процентов вероятности, что речь пойдёт о повышении оплаты. Если, чтобы удержать несущую золотые яйца, придётся немного уступить, он, как человек разумный, безусловно пойдёт на это. Вопрос лишь в том, насколько высоки её требования.

Была уже поздняя ночь, работа в заведении закончилась. В небольшой конторе, где Чжан обычно занимался делами, появилась Е Цин. Казалось, она даже не успела переодеться: на ней всё ещё было специально сшитое для неё платье с тонким узором в голубых и белых оттенках.

– Присаживайся, – бросил Чжан, мельком взглянув на неё.

– Благодарю, господин Чжан, – почтительно ответила она, присев в лёгком реверансе, а затем осторожно, мелкими шагами, подошла к свободному стулу и села.

Наблюдая за её движениями, Чжан невольно вспомнил, какой она была всего несколько месяцев назад. Тогда Е Цин носила мужскую одежду, за поясом у неё висел меч, а в походке сквозила военная выправка. Она держалась уверенно, раскованно, даже дерзко, словно закалённый в боях воин. За столом сидела развязно, а шагала размашисто, совсем не задумываясь о манерах.

А теперь.... Теперь она подчёркнуто выпрямляет спину, слегка подаёт бёдра назад, все её движения утонченны и грациозны — истинная сяоцзябиюй (переводится как «изысканная девушка из хорошей семьи» — нежный, домашний образ традиционной китайки).

Приглядевшись, он заметил, что её кожа стала заметно светлее. Скорее всего, просто потому, что она не покидает пределы заведения и больше не подвергается воздействию солнца.

Но больше всего его удивило другое — даже голос её изменился, стал мягче, приятнее.

Как такое возможно?

Неужели, хорошо питаться и жить в достатке — это не только на кожу влияет, но и на голос тоже?

Это тоже был вопрос, над которым управляющий Чжан ломал голову, но так и не нашёл ответа. Раньше он даже не обращал на это внимания, пока однажды случайно не подслушал разговор служанок, обсуждавших, что у Е Цин голос стал звонким, словно пение птицы. Только тогда он задумался об этом. А иначе, возможно, так бы и не заметил.

Пока эти мысли крутились у него в голове, Е Цин уже успела устроиться на стуле.

– Говори, зачем ты меня искала? Хочешь поднять оплату? – Чжан сразу же сам заговорил о

повышении, чтобы выглядеть великодушным.

– Э...?

Е Цин, услышав это, слегка опешила. Она ведь даже не думала о прибавке! Но теперь, когда Чжан сам поднял этот вопрос, ей вдруг пришло в голову:

Да ведь точно! Я же теперь так популярна! Почему бы не попросить прибавку? Чёрт, как же я сама не догадалась! Ладно, об этом можно поговорить потом, а сейчас главное – обсудить другое.

Управляющий Чжан, заметив её замешательство, понял, что прибавка действительно не была причиной её визита. Это даже его немного озадачило.

Эта девчонка... Что ж, не знаю, назвать ли её простодушной или просто глуповатой?

Но вскоре в нём разыгралось любопытство. Если не ради денег, то зачем она пришла?

– Так, если не за прибавкой, то по какому делу?

«Неужели собралась уходить?» – мелькнула у Чжана мысль, но он не стал её озвучивать. Однако, если бы она действительно собралась уйти, то задолженные двести лянов ещё не выплачены. Да и даже если она погасит долг, где ещё найдёт работу, где можно хорошо есть, спать в тепле и при этом получать кучу серебра просто за танцы? Это же мечта, а не работа! Не похоже, чтобы она решилась так легко отказаться от всего этого.

– Дело вот в чём, – начала Е Цин, тщательно подбирая слова. – В последние дни мне ведь дают много наград, верно?

– Да, немало, – кивнул Чжан. По его подсчётам, в день выходило примерно от двадцати до тридцати лянов. Правда, он понимал, что это временный ажиотаж, который не может длиться вечно.

– Я хочу, чтобы из всех наград, что я получила за эти дни, кроме той части, что удерживает ресторан, половину моей доли разделили между старшими сестрами! – сказала Е Цин. Именно ради этого она пришла к управляющему Чжану.

– А? Ты, правда, хочешь так поступить? – удивленно переспросил Чжан. – Это ведь немаленькая сумма!

– Я всё хорошо обдумала, – кивнула Е Цин.

– То, что я сейчас так популярна, — это ведь заслуга сестер. Они всегда помогали мне: когда я была ранена, обрабатывали мои раны, когда мне чего-то не хватало, занимались со мной дополнительно. Они даже каждый день делали мне массаж, чтобы тело не затекало. Без их поддержки у меня бы не получилось достичь таких успехов. Я не могу позволить, чтобы они остались в проигрыше!

– Ты, оказывается, человек чести! – Чжан посмотрел на неё с новым уважением. Эта девушка и впрямь была не такой, как остальные! Хоть она и носила женское платье, в ней чувствовался дух широкой души и щедрости — нечто, что редко встретишь даже среди мужчин.

– К тому же, я понимаю, что нынешняя ситуация долго не продлится. Максимум десять дней, ну, может, две недели — и ажиотаж пойдет на спад, — добавила Е Цин.

– Это правда! Уже сейчас во время твоих выступлений награды стали заметно меньше, — подтвердил Чжан, кивая.

Всё дело было в том, что публика теперь чаще кидала медные монеты, а не серебро.

Даже самый мелкий серебряный слиток весил семь-восемь цянней, и зрители обычно бросали лишь одну такую пластину. А вот медные монеты можно было швырять горстями, так что их было много, они красиво сыпались на сцену, звеня о деревянный пол, создавая впечатление щедрости.

(Цянь — китайская мера веса равная ок. 3,74 г.)

Постепенно посетители ресторана стали всё чаще разбрасываться именно медными деньгами. Казалось, что награды не уменьшаются, но на деле их ценность стала куда ниже.

– Да, — кивнула Е Цин. — Даже так, сестрам стали давать меньше, чем раньше. Поэтому я и решила поделиться с ними половиной своих наград — чтобы они не потеряли в доходах!

– Это твои деньги! Твой поступок показывает, какая ты благородная и щедрая! Это хорошее дело, у меня нет возражений, — управляющий Чжан кивнул, соглашаясь. Затем добавил: — Я ведь не мелочный человек. Хотя ты сама и не просила повышения, но раз уж пришла, я подниму тебе жалованье!

– Сейчас ты получаешь один лян в месяц, а теперь будешь получать три! Это уже больше, чем у Юй-эр, Де-эр и остальных танцовщиц. Ты довольна? — спросил он.

– Довольна! — Е Цин и не ожидала, что этот визит принесёт ей такой приятный бонус. Конечно, позже она бы сама задумалась о повышении, но раз уж Чжан первым предложил, грех отказываться.

Видя, что Е Цин согласилась, Чжан снова одобрительно кивнул. Эта девушка действительно отличалась от других: она не была капризной, не задирала нос после того, как стала знаменитой, и не требовала невозможного. Такой характер встречался нечасто.

Все важные вопросы были решены, обе стороны остались довольны. Е Цин не собиралась задерживаться, поклонилась и покинула комнату.

***

На следующий день, когда танцовщицы собрались в зале, они неожиданно увидели там управляющего Чжана. Это было странно, ведь обычно всеми их делами занималась мама Лю, а Чжан появлялся здесь крайне редко.

Только Е Цин знала, в чём дело. Оставаясь спокойной, она встала рядом с остальными девушками и вместе с ними поклонилась управляющему.

Чжан ответил на приветствие и, не тратя времени, объявил решение, которое приняла Е Цин.

Когда танцовщицы услышали, что она решила отдать половину своих наград, оставшихся после вычета доли ресторана, и разделить их между всеми, зал наполнился удивлёнными возгласами. Девушки зашептались, переглядываясь между собой, а затем все взгляды устремились на Е Цин. В их глазах светилась искренняя благодарность. В этот момент её авторитет среди семи танцовщиц взлетел до небес.

Даже управляющий Чжан похвалил Е Цин за её верность и великодушие. Открыто восхищаться танцовщицей перед всеми — такое в Красном Нефрите случилось впервые.

Новость быстро разлетелась по заведению, и вскоре весь персонал знал о поступке Е Цин. Взгляды, которыми её одаривали, теперь были полны уважения. Даже служанки, встречая её в коридорах, останавливались, почтительно склоняли головы и приветствовали:

– Госпожа Цин!

Весь Красный Нефрит гудела от обсуждений, только лицо мамы Лю становилось всё мрачнее. Она видела, как Е Цин, прошедшая через её жестокие тренировки, с каждым днём крепла и набиралась опыта. Она-то думала, что процесс воспитания займёт ещё много времени. Ведь каждая из танцовщиц этого дома прошла через её руки. Она прекрасно знала: чтобы взрастить искусную танцовщицу, требуется не один год.

Когда Е Цин только попала в хижину для наказаний, управляющий Чжан велел ей проверить её тело — годится ли оно для танцев. Мама Лю тогда ошупала её кости и мышцы и сразу поняла: да, её телосложение идеально. Маленькая, гибкая, упругая — она соответствовала всем требованиям.

Однако одно дело — природные данные, и совсем другое — долгие годы изнуряющих тренировок.

Семь других танцовщиц тоже обладали подходящим телосложением, но даже им потребовался год под её строгим руководством, чтобы достичь нужного уровня.

Она была уверена: какой бы талантливой ни была Е Цин, ей не ускорить этот процесс. Но действительность обернулась против её ожиданий — всего за три месяца та прославилась своей танцевальной грацией.

Такого мама Лю не видела никогда.

Ведь её метод был основан на жёстком давлении. Иногда она даже перегибала палку, заставляя учениц проходить через нечеловеческие нагрузки, почти губя их. Она и Е Цин намеревалась сломать, изнурить, довести до истощения.

Но та выстояла. Более того, не только выдержала все мучения, но и закалилась, превратившись в звезду, сияющую ярче, чем могли ожидать даже самые строгие наставники.

Очевидно, она недооценила талант Е Цин. Да и как она могла бы догадаться, что в этом хрупком на вид женском теле скрывается душа мужчины? Мужская стойкость куда выше женской, а уж способность выдерживать давление — и подавно. Тем более, что в другом мире, в современном обществе, давление — это норма жизни.

Жизненные трудности, рабочие перегрузки, ипотека, заботы о детях — всё это давит намного сильнее, чем её методы воспитания. Если мама Лю надеялась сломить Е Цин таким способом, то явно просчиталась.

Теперь у Е Цин в «Красном Нефрите» был небывалый авторитет. Она стала настолько известной, что даже управляющий Чжан специально предупредил маму Лю: будь осторожна, не перегибай палку, не пытайся целенаправленно её притеснять.

Что уж говорить, если раньше мама Лю и так едва справлялась с Е Цин, то теперь ей приходилось полагаться на управляющего, чтобы хоть как-то удерживать её в рамках. Но теперь, когда даже Чжан встал на её сторону, мама Лю оказалась в полной изоляции.

И самое ироничное — во всём этом виновата она сама.

Могла ли она когда-нибудь представить, что всё закончится именно так?

***

<http://bllate.org/book/16041/1431360>